

поэзию», которая «не уходит от жизни, а напротив — организует борьбу человека, стремящегося создать исторически необходимые условия для того, чтобы утвердить радость жизни». Он выступает за поэзию, которая «является средством воздействия на нас самих и на окружающий нас мир», и предлагает читателям свой сборник, как свидетельство происшедшей в нем эволюции.

Эту эволюцию можно проследить в книге Блика. Стихи, написанные с 1931 по 1934 год, входящие в первый раздел книги, носят еще во многом отпечаток «камерной лирики», полны описаний туманных мечтаний и дум поэта, не свободны от подражательности. Новые мотивы начинают звучать в разделе, озаглавленном «Бои», куда вошли стихи 1934—1936 гг. Подзаголовок раздела гласит: «Моим товарищам — коммунистам». Блик хочет воспеть в лице коммунистов «новый образ мира», «господство людей над древней судьбой, живую плоть наших древних мечтаний». Он говорит о своей юности «беспокойной и тревожной как крик». Обращаясь к коммунистам, он восклицает: «Чем была бы моя жизнь без вас, товарищи!». В стихотворении, которому предпосланы слова товарища Сталина — «идея штурма зреет в сознании масс», Блик говорит о себе: «Я — бсец, товарищи! — настанет наш день, полный ненависти и силы».

Эти боевые мотивы с особой ясностью звучат в последнем разделе книги «Дорожные песни», куда вошли стихи, написанные в 1936—1938 гг. Это стихи о «людях, чьи лица выражают голод, надежду и силу», о «мире, уже расправляющем свои тяжелые камен-

ные крылья». Блик пишет о «коммунистах, помогающих разрывать туманы мира».

Одно из стихотворений раздела носит литературно-полемический характер. Блик выступает в нем против поэзии, чуждой жизни и борьбе. Он благодарит своих товарищей по партии за то, что они «сделали его человеком», приобщив к настоящей жизни и творчеству. Он говорит в этом стихотворении о Шанхае и Мадриде, о грядущей победе человечества.

Одно из лучших произведений раздела, посвященное коммунистической партии, партии Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, помещено в этом номере журнала.

В последних стихах Блика уже нет унылой рефлексии, туманных мистических размышлений его ранних вещей; они свидетельствуют о значительных творческих возможностях поэта.

Небольшая книга Блика — отрадное явление в современной бельгийской поэзии, в которой не так уж часто раздаются молодые, сильные голоса. Тем больше ответственность революционных поэтов Бельгии. В частности, Блику предстоит еще большая и упорная работа над собой. Далеко не всегда на высоте форма его стихов, не всегда удачны образы, сравнения, не всегда выразителен ритм (что особенно важно отметить, так как Блик, подобно ряду западно-европейских поэтов, пишет белым стихом). Одно бесспорно: дальнейший путь творческого развития молодого поэта-коммуниста Рене Блика заслуживает самого пристального внимания.

В. Рубин

АРМАН САЛАКРУ — «ЗЕМЛЯ КРУГЛА». НРФ, Париж, 1938 (Armand Salacrou. «La terre est ronde». NRF, Paris, 1938).

Пьеса Салакру «Земля кругла», поставленная в парижском театре «Ателье», получила весьма высокую оценку левой прессы (см. «Интернациональную литературу», № 1, 1939). Так, Стефан Приасель писал: «Это удивительная пьеса! В момент, когда все чаще наталкиваешься на измены интеллигентов, когда кругом господствуют безволие и дряблость, когда каждый день топчут свободную мысль, «Земля кругла» Армана Салакру кажется чудесной победой искусства».

Указывая, что автор сохраняет некоторые следы своего обычного скепсиса, критик все же считает пьесу крупнейшим достижением передовой драматургии.

Пьеса Салакру — это историческая драма об Италии той эпохи, когда изумленному человечеству впервые открылась истина: земля кругла. Это пьеса о Флоренции времен Лоренцо Медичи и Савонаролы. Однако, историчность пьесы мнимая, и автор сам этого нисколько не скрывает. Заглавие имеет

и другой, более существенный смысл: «Земля кругла и история повторяется». Фанатизм, разрушающий культуру, диктатура, подавляющая личность,— все это уже было, все это по кругу возвращается и в наши дни.

Диктатура фанатика, аскета и демагога Савонаролы, под игмом которой стонет цветущая Флоренция, показана в пьесе очень поверхностно в смысле историческом. Но подчеркнуто ее сходство с диктатурой фашистских фюреров и дуче. Савонарола, а-ля Геббельс, разучивает перед зеркалом свои демагогические речи. На кострах сжигают высокие творения искусства. Дети, поклонники Савонаролы, смахивающие на юных штурмовиков, садистски разыскивают все новую пищу для костров. Стандартное приветствие «Христос-король» напоминает «хейль Гитлер». Еврейского купца оскорбляют и преследуют за то, что он еврей. Отдельные реплики рассчитаны на то, что во время спектакля они своей злободневностью будут щекотать нервы зрителя.

Все это, разумеется, сплетено с любовной интригой. Юная любовь подавляется во имя мрачного религиозного фанатизма. Но вот, противники Савонаролы в Риме бросают во Флоренцию идею «божьего суда»: монах Савонарола вместе с фра Мариано, своим врагом, должен взойти на костер. Оставшийся в живых тем самым докажет свою правоту. Савонарола избегает «божьего суда», но его авторитет, державшийся на демагогии, рушится. Пьеса кончается казнью диктатора. В этой ситуации автор, все время стоявший на стороне свободы, гуманности, считает уместным вложить в уста демагога и фанатика очень искренние и человеческие слова, а также приписывает ему излюбленную

свою мысль о том, что все суета сует,— мысль, которая настойчиво повторялась во всех его прежних пьесах.

Не стоило бы придирааться всерьез к идеям Салакру. На наш взгляд «Земля кругла» — пьеса поверхностная, неталантливая, лишенная идей и характеров, плохая пьеса. Однако в ней есть черта, из-за которой, быть может, стоит говорить об этой плохой пьесе. Легковесная модернизация истории и внешне, легкомысленные исторические аналогии придают ей кажущуюся остроту. На этом основании ее можно принять за острую, передовую пьесу. Однако, в действительности эта игра в аналогии лишь способствует двусмысленности идеи, слегка лишь прикрытой флорентинскими одеждами. Фразы, клеймящие фанатизм Савонаролы, заострены против диктатуры «вообще», против власти толпы, коим противопоставляются «суверенные права» отдельного человека. Разумеется, подобная двусмысленность — явление модное и распространенное в Париже. Но зачем же принимать ее за передовые идеи?

Борьба между культурой и фашизмом, ставшая темой многих больших произведений искусства, разменивается на пустяки авторами «модных» пьес. Мы думаем, что такие тенденции заслуживают отпора, а если они — случайность в творчестве автора, то дружеской серьезной критики.

Нельзя поэтому не пожалеть, что передовая пресса, в увлечении внешней «остротой» таких произведений, иногда принимает модную злободневность за актуальность, легковесную болтовню за «честность мысли» и плохие книги и пьесы за хорошие.

Е. Гальперина

ЛЕОНАРД ФРАНК — «ИСПАНСКИЕ СТИХИ И СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА». БОДО УЗЕ — «ПЕРВЫЙ БОЙ». Изд. Прометей, Париж, 1938 (Leonard Frank. «Spanische Gedichte und Tagebuchblätter». Bodo Uhse. «Die erste Schlacht». Ed. Prométhée, Paris, 1938).

Борьба испанского народа за свободу и независимость наложила свой отпечаток на творчество многих писателей-антифашистов. Еще не отстоялись впечатления, еще слишком свежи в памяти события и писатели еще не отваживаются посвящать большие полотна героической борьбе сынов Испании. Но

они считают своим долгом запечатлеть хотя бы в беглых, взволнованных строках дневников, путевых заметок, репортажей, дни борьбы и испытаний испанского народа.

Ряд немецких писателей-антифашистов, побывавших в Испании (многие из них сражались в рядах Интернациональных бригад),